

рецензии

Труды и дни

К. С. Станиславского

КРАСОТА ПРАВДЫ

Вышел в свет 4-й, заключительный том составленной И. Виноградской летописи «Жизнь и творчество К. С. Станиславского». В каждом из четырех томов 500—600 страниц текста, общий объем издания превышает 150 авторских листов, причем количество впервые публикуемых документов (писем, отрывков из режиссерских экспликаций, записей в журналах репетиций МХАТа, фрагментов из дневников, из неизданных мемуаров и т. д., и т. п.) огромно. По-настоящему оценить целеустремленный и кропотливый труд, проделанный И. Виноградской, может специалист, хорошо знакомый с повседневной практикой архивных изысканий, или же знаток творчества Станиславского, которому сразу же бросятся в глаза не известные ранее события, факты, сведения, документы, совсем по-новому освещающие коллизии, казалось, давно-давно известные, приподнимающие завесу загадочности над самыми сложными замыслами Станиславского или, наоборот, показывающие, сколь утонченны, сколь необычайны по внутренней структуре были иные его творения, считавшиеся всесторонне, досконально изученными.

Представим себе, однако, человека, чьи познания о Станиславском ограничены знакомством с классической книгой «Моя жизнь в искусстве», чьи интересы не профессиональные, не специальные, но движимы одной только любовью к искусству вообще и к искусству русской сцены, в частности. Едва такой читатель открывает первый том летописи, его сразу же затягивает стремительная, неуловимо быстрого, дерзкого и непреклонного развития гения, опережающего время, ошеломляющего аудиторию, не избегающего крайностей, с безоглядной смелостью шагающего вперед и вперед. Со страниц летописи, будто в тысячах зеркал, отражаясь в тысячах разнообразных документов, возникает перед нами редкостная по духовной целостности, по максимализму требований, выдвигаемых перед другими и перед собой, фигура творца и борца, величайшее значение деятельности которого давно уже осознано, однако же в истинном масштабе и размахе только сейчас обнаруживается. Чтение — увлекательное, захватывающее, один из тех редчайших случаев, когда собрание документов поглощает

том за томом, как биографический роман. Легко понять, почему первые тома летописи, изданной необычайно большим для трудов такого характера тиражом (20 тысяч экземпляров), уже исчезли с полок магазинов.

Литература, Станиславскому посвященная, за последние годы обогатилась многими значительными и удачными книгами. Назову хотя бы три уже изданных тома собрания избранных работ П. Маркса «О театре», где самому Станиславскому, его театру и студиям уделено очень много места; книгу Е. Поляковой «Станиславский-актер: первый том труда М. Строевой «Режиссерские искания К. С. Станиславского»; — воспоминания Ю. Завадского, М. Кнебель, «Портреты и наблюдения» А. Мацкина. Ни одна из этих книг, однако, не ставила перед собой задачу показать Станиславского как человека, с деятельностью которого самым неразрывным образом связана едва ли не вся история русской и советской культуры XX века. И. Виноградская тоже не задавалась специально такой целью. Тем не менее самая логика построения летописи с внешней силой обнаружила мощное воздействие гения Станиславского на весь процесс духовного развития нашего общества. Имена Л. Толстого, Чехова, Горького, Блока, Леонида Андреева, В. Серова, Врубеля, Бенуа, Добужинского, Головиной, Луначарского, Булгакова, Вс. Иванова, Леонова, Катаева, Афиногенова, Шостаковича, а также людей театра — Федотовой, Ермоловой, Комиссаржевской, Шаляпиной, Мейерхольда, Южина, Вахтангова, Михаила Чехова, Таирова и многих других возникают на страницах летописи как имена действующих лиц грандиозного романа, содержание которого — судьба и борьба Станиславского. Во многих случаях отношения Станиславского с названными писателями, художниками, режиссерами, артистами впервые открываются во всем их внутреннем драматизме, в противоречиях острейших, нередко и трудных, и тлостных.

Быть может, самый драматичный и самый интересный сюжет всех четырех томов летописи — сложнейшие, подчас взаимно мучительные, часто одновременно конфликтные отношения между К. С. Станиславским и Вл. И. Не-

мировичем-Данченко. Сам Немирович-Данченко определял эти отношения как «многолетнюю ревность-конкуренцию», однако тут же справедливо подчеркивал, что они «самые благородные». В потоке документов, из которых летопись составлена, с абсолютной ясностью обнаруживается подлинный смысл вновь и вновь повторявшихся моментов разногласия и моментов согласия, противоречий и примирений, той страстной полемики, которую вели между собой два основателя МХАТа и которая была отнюдь не слабостью, но, напротив, одним из главных источников силы, своего рода «эликсиром молодости» их театра. Споры между ними шли о том, какими путями вести труппу к правде и красоте, какими средствами, в каких формах наиболее внятно, остро, с живой горячностью выразить в искусстве меняющиеся черты времени. Прав бывал то один, то другой, и все-таки, глубочайше друг друга уважая и внимательно друг к другу прислушиваясь, оба были равно нетерпимы к литературной и сценической рутине, к штампам ремесла, безвкусие, пошлости, оба столь энергично боролись за высокий, смелый, свободный от каких бы то ни было шор, глубокий реализм искусства, что в результате их споров, как правило, возникали прекрасные спектакли. Чуждые самодовольства, самоуспокоенности, они не признавали никаких компромиссов. Ничего не прощая друг другу, они тем самым принимали на себя трудную обязанность ничего не прощать никому. И не прощали.

За две недели до премьеры «Страха» А. Афиногенова Станиславский снимает с роли Клары Славовой прославленную О. Книппер-Чехову. В том же 1931 году, увидев уже установленные на сцене, ранее им самим утвержденные (в эскизах и макетах) декорации замечательного художника В. Дмитриева к «Мертвым душам», он категорически отказывается от них и поручает В. Симонову заново сделать оформление спектакля. В 1932 году безапелляционно запрещает совершенно готовый спектакль «Слуга двух господ» Гольдони, поставленный И. Судаковым с участием молодых артистов МХАТа.

Каждое из этих решений, понятно, становилось траге-

дией для тех, чей творческий труд был разом перечеркнут, отвергнут. Говорили — и с полным на то основанием — о жестокости Станиславского. Да, он бывал жесток — жестокостью искусства, которое никаких компромиссов не терпит. Он и себя не щадил. Сколько адептов терпения в работе, какая неуемная готовность снова и снова, без конца, релетировать один эпизод, один диалог! Какая металлическая холодность в знаменитом, повторявшемся вновь и вновь возгласе: «Не верю!» И какая детская готовность радости хохотать, когда комическая сцена пошла, наконец, легко и правдиво, или взволнованно плакать, когда удалась, вышла, зазвучала в полную силу сцена драматическая, трагическая! Какая поразительная способность упиваться правдой, покоряться ей, пусть даже она заявлена в самых неожиданных и непривычных для него очертаниях!

Итак, бескомпромиссность, не допускающая никаких и никому скидок, не принимающая в расчет ни славу, ни былые заслуги, ни затраченные усилия. И одновременно мало кому доступная высота позиций, способность подниматься над цеховыми, групповыми интересами, умение руководствоваться не нормой, не сводом правил, а только безошибочным театральным инстинктом. Но и это еще далеко не весь Станиславский. Главное в нем, поучительное и поныне, — та неутомимая, неуемная энергия, с которой он всякий раз пробивал искусству новые, нехоженые пути и, остро чувствуя дыхание времени, ставил перед собой новые цели. Его жизнь — серия экспериментов, очень часто удивительной смелости. Еще удивительнее результаты рискованные опыты, сперва раздражающие и сбивающие с толку критику (И. Виноградская напоминает, что многие критики недоброжелательно встретили не только «Дни Турбиных», но и «Горячее сердце», и «Идеальную Фигаро», и «Брошю 14-69», и «Мертвые души»), впоследствии становившей общепризнанными шедеврами советской сцены.

Сегодняшних режиссеров Станиславский учит мастерству пространственных решений, утонченному чувству ритма, разнообразию мизансцен, настойчивой работе с актерами. Учит смелости, но учит и тщательной обдуманности, верности идеалам реалистического искусства, настойчивой отделеке спектакля, ибо незаконченности, недоработанности он не терпел и демонстрировал отнюдь не формальные постановочные идеи, не эффектные концепции, но отшлифованные творения. Это трудная школа, но, читая летопись, на каждом шагу сызнова убеждаешься в ее актуальности. Режиссерские уроки Станиславского не только своевременны, они абсолютны.

Листая летопись страницы за страницей, не устаешь восхищаться свободой, щедростью, внутренней независимостью художника, который только на склоне лет, отрезанный болезнью от живого театра, многое зная лишь с чужих, увя, не всегда верных и не всегда умных, слов, иногда изменял свойственной ему природной широте и с предвзятостью относился даже к собственным питомцам, ближайшим ученикам. И об этом летопись не умалчивает, зная, что величие Станиславского никакая правда принизить не может.

Четырехтомник И. Виноградской, подготовленный в стенах Научно-исследовательской комиссии по изучению и изданию наследия К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, вышел в свет под редакцией известных ученых Вл. Прокофьева и Н. Чухкина. Тем более важно отметить, что летопись дает необходимые коррективы и дополнения к их прежним публикациям, в целом ряде случаев уточняет даты, факты, сообщает новые подробности. Это означает, что деятельность комиссии в целом руководствуется волей к воссозданию подлинной правды истории и что планомерная работа по исследованию творческого наследия великих основателей МХАТа успешно продолжается.

С другой стороны, неверно было бы пройти мимо некоторых частных недостатков труда И. Виноградской. Иные архивные документы публикуются фрагментами, коротенькими отрывками, не дающими ясного представления о характере и содержании документа в целом. Порой напрасное доверие оказано мемуаристам, чьи свидетельства не очень убедительны, причем не всегда взятые в соображение конкретные обстоятельства тех лет, когда писались цитируемые воспоминания. Слишком много места отдано юбилейным приветствиям, речам, поздравлениям, адресам, всегда более или менее трафаретным. Однако недостатки эти в самом точном смысле слова — частные, несущественные.

Иное важно. Со страниц четырех томов летописи, создание которой поглотило два десятилетия беспрерывного, напряженного и кропотливого труда исследователя, одушевленного любовью к искусству, гениальный Станиславский, смелый революционер сцены, заставивший свое безграничное воображение служить величию правды, творец новых театральных идей и небывалых театральных форм, вечно собой недовольный, всегда устремленный вперед, виден как живой, без всякого «хрестоматийного глиця». Да, таким он был. И таким он останется в истории нашей культуры.

К. РУДНИЦКИЙ,
доктор искусствоведения.